

18+ Я НЕ ВЕРЮ

КРИКАМ ПТИЦ

Женевский квартет. Лето

A person stands in a field of tall grass, looking away from the camera. The image features a double exposure effect: the person's body is semi-transparent, revealing a second figure of a person standing in a body of water in the background. The entire scene is bathed in a monochromatic teal-green light. The text '18+' is in a white rounded rectangle at the top left. The title 'Я НЕ ВЕРЮ КРИКАМ ПТИЦ' is in large white serif font. Below it, 'Женевский квартет. Лето' is in a smaller white font. At the bottom, 'ЕВГЕНИЯ ЛУГОВАЯ' is in large white serif font.

ЕВГЕНИЯ ЛУГОВАЯ

Евгения Луговая
Я не верю крикам птиц.
Женевский квартет. Лето

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63696176
ISBN 9785005182678*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Ирландский музыкант Джонни играет в женевском баре и абсолютно ничего от жизни не хочет. Но когда от него при странных обстоятельствах уходит девушка Айрис, и его насильно вовлекают в странную языческую игру, срывающую с него все покровы, Джонни предстоит переоценить неправильно прожитую жизнь. Его ждут испытания, назойливые призраки прошлого и головокружительное путешествие во внешний и внутренний мир, в который он боялся заглядывать. Как думаете, сможет ли Джонни проснуться?

Содержание

Предисловие	5
Экспозиция №1	9
Первая глава	10
Экспозиция №2	35
Вторая глава	37
Экспозиция №3	59
Третья глава	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Я не верю крикам птиц Женевский квартет. Лето

Евгения Луговая

Фотограф Марат Хамитов

© Евгения Луговая, 2021

© Марат Хамитов, фотографии, 2021

ISBN 978-5-0051-8267-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Процесс формирования фабулы романа непостижим. Начинаешь в одной точке, и не знаешь, в какие неизведанные земли приведет тебя текст, оживающий под пером. В этот раз первой клеткой игрового поля стал британский актер и певец Джонни Флинн. Я увидела его в инди-триллере «Зверь», где своей непрофессиональной, но харизматичной игрой он задел какую-то струну внутри меня. Потом я узнала, что Джонни поет и играет в английской фолк-группе, и снова в яблочко: он покорила меня низким голосом, тоскливыми и залихватскими одновременно завываниями скрипки, напоминающими любимую мной Ирландию; в нем была какая-то интеллигентная глубина, ненавязчивое благородство.

Потом я решила, что мой книжный Джонни будет жить в Женеве (чего еще ждать от «Женевского квартета»?) и в один прекрасный день столкнется с теорией заговора. Однако завязке не хватало глубины, и неоперившаяся идея долго лежала в закрытом ящике, пока я не встретила одного человека, который своим некрасивым поведением, отравившим мое московское лето, дополнил образ Джонни. История сразу эволюционировала: обросла новыми подробностями и смыслами, герои примерили на себя новые роли, невидимый канал соединил реально существующего певца, одного русского парня, живущего в Швеции и другого

очень близкого мне родственника. Эти характеры сложились в один пазл, который углубил измерение замысла.

Из по-хорошему абсурдной летописи о вынужденных странствиях музыканта по следам тайного общества, роман превратился в гимн против овощной, инертной жизни. От вывернутой наизнанку истории любви, начинающейся с конца, я внезапно дошла до очень важного для меня посыла о роли судьбы Отцов в нашей жизни. С остальными смыслами, уверена, вы разберетесь и без моей помощи, я только хотела пролить свет на те стороны моего романа, которые кажутся мне главными. Следите за перемешанными кусочками мозаики между главами, и вы обязательно поймете кому из героев принадлежит тот или иной отрывок измененного состояния сознания.

Изначально я хотела назвать книгу «Сумерки цвета абсента», потому что различные оттенки зеленого должны были символизировать лето: душное, плывущее в августовском мареве, навевающее тяжелые, почти галлюциногенные сны, но при этом неуловимо светлое. Потом я подумала, что в моем романе и так достаточно метафор и эпитетов, поэтому название должно звучать громче, чеканнее, как древнее ирландское пророчество.

Последнее, на что мне хотелось бы обратить внимание – это музыка. При написании романа (и вообще весь август и сентябрь 2019 года) я слушала альбом малоизвестной британской психоделической группы The Wytches – Annabel

Dream Reader. Особенно мне полюбились композиции Wide at Midnight, Track 13 и Summer Again. Забавно, что в каждой песне альбома фигурирует имя Аннабель, которое я и до этого любила благодаря стихотворению Эдгара По – мой личный профиль в Инстаграме неслучайно назывался @diary_of_annabel_lee. Во-первых, одну из моих героинь тоже так зовут. Во-вторых, альбом идеально отражает атмосферу романа: там есть и тяжелые расщепленные, как сознание запутавшегося человека, гитарные рифы, и нежно-тоскливые композиции о лете и неудавшейся любви, и рвущийся, как гитарная струна, голос вокалиста, и сонная отстраненность, присущая моему главному герою.

Как думаете, сможет ли Джонни проснуться?

P.S Если вы тоже думаете, что музыка добавляет тексту дополнительное измерение, на странице 232 для вас приготовлен "Плейлист Джонни". Песни записаны в том порядке, в котором они звучат на страницах романа.

Ах, лето наступает,
И листья сладко распустились,
И дикий горный тимьян
Расцвел среди пурпурного вереска
Пойдешь, милая, пойдешь?
Если ты не пойдешь со мной
Я, конечно, найду другую
Чтобы сорвать с ней дикий горный тимьян

Со всего пурпурного куста.
Пойдешь, милая, пойдешь?
И мы пойдём вместе,
Чтобы сорвать дикий горный тимьян
Со всего пурпурного куста.
Пойдешь, милая, пойдешь?
И мы пойдём вместе
Чтобы сорвать дикий горный тимьян
Со всего пурпурного куста
Пойдешь, милая пойдешь?

Старинная шотландская баллада

And now you're a dream, i'm too scared to have
Because if I do in the morning i'll walk back
To that sentimental park
Where I ate from your hand
You showed me what the truth is
I still don't understand¹

Summer again – The Wytches

¹ И теперь ты просто мечта, которой я так боюсь, Потому что если я поверю в нее, утром я вернусь обратноВ тот sentimentalный парк, Где ты кормила меня с руки. Ты показала мне истину, Которой я до сих пор не понимаю(пер. англ)

Экспозиция №1

...Бар пронизан мягким синим светом. На стенах рисунок извивающегося морского чудовища, кусающего свой хвост. В лучах прожектора на сцене гаируют пылинки, дребезжат стаканы, раздаётся смех начинающих пьянеть посетителей. Джонни сидит на неудобном складном стуле, держа в руках гитару. У него низкий, обволакивающий голос. Его глаза закрыты, потому что он не хочет быть здесь. Он играет ирландскую фолк-балладу о девушке, которая утонула в озере, а потом вернулась к любимому. В ее длинные рыжие волосы вплетена речная тина, глаза подернулись черной нездешней дымкой. Готов ли возлюбленный принять ее в новом обличье? А Джонни, готов ли он играть для всех этих людей, которые даже не слушают его? Струны под его пальцами нестерпимо горячие, как дымящееся нутро разделанного кабана, ультрамариновый свет проникает в каждую клеточку тела, наполняя голову туманом, напряжение в затылке становится невыносимым. Он чуть не теряет сознание, сбиваясь с ритма, и мелодия обрывается лентой испорченного магнитофона, но тут же начинается снова...

Первая глава

Как Золушка, потерявшая хрустальную туфельку, Джонни закончил играть, когда часы пробили полночь. Он еще раз оглядел посетителей, стараясь не выказывать презрения, которого все равно никто бы не заметил. Народу сегодня мало. Пятеро студентов: все как один в очках, с умудренным видом посетителей венской оперы; слева от них очередной мезальянс в виде пухлой коротконогой брюнетки с кроличьим прикусом и статного француза с глазами киноактера, а в самом углу пожилая женщина, пригубившая третью порцию шартреза². Никто не смотрит на него, никто не хлопает, всем плевать на загадочную судьбу рыжей утопленницы.

Не то чтобы он очень нуждался в похвале, но любому артисту хочется быть признанным, даже ничем не примечательному ирландскому парню, затерянному в мультинациональном швейцарском захолустье.

Никто из его приятелей не верил, что Женева ничем не лучше их Килларни: те же печальные сизые озера, ветренные горные перевалы и полупустые парки, заросшие рододендронами. Разве что больше солнечных дней в году. Летом, как сейчас, в сердце июля, и вовсе нестерпимо жарко. Джонни обливался потом, с раздражением ощущая кри-

² Элитный французский ликер из 130 трав, специй, семян, корений и цветов.

сталлизирующиеся соленые капельки на лбу и омерзительно медленно стекающие по спине ручейки. Он бы многое отдал за то, чтобы прямо сейчас оказаться под спасительными струями душа.

Три шага до барной стойки. Сегодня здесь снова итальянец, которого он терпеть не мог: эти длинные сальные волосы, заплетенные в хвост, инфантильная футболка с изображением Бэтмена. Джонни не одобрял ребячество. Он старался не смотреть на длинноволосого, пока садился на колченогий барный стул.

– Мне как обычно, – бросил он небрежно.

Бармен равнодушно кивнул и через минуту поставил перед ним стакан с темно-янтарной жидкостью.

Вкус солода успокоил музыканта, напомнив о родине и запахе выдержанного виски в погребе отца, где хранились сорта на любой вкус: фруктовые, ореховые, землистые, пряные или даже отдающие табаком. «Когда подрастешь, мы все с тобой попробуем», – подмигивал отец, но почему-то всегда пробовал один, закрываясь в своем кабинете, полном книг, исписанных тетрадей и пустых граненых стаканов. Он умел пить много, долго оставаясь трезвым. Но всегда наступал переходный момент, та самая точка невозврата, когда...

Из воспоминаний Джонни вырвало дребезжание алюминиевого блюда, брошенного барменом. Сегодняшние чаевые очень скудные: тридцать франков – на них ничем, кроме хорошего стейка или хлопковой футболки, себя не пора-

дуешь. Вот тебе еще одна разбитая иллюзия о сытой Швейцарии. Все как-то забывают о том, что сыты здесь только избранные.

И на подарок девушке не хватит. Парень вспомнил, как давно не радовал Айрис приятными сюрпризами. Он никогда не понимал, почему девушки так любят цветы: ну постоят они красиво пару дней в вазе – потом все равно выбрасывать. То же самое с открытками на День всех влюбленных и поцелуями, украдкой подаренными в переполненном автобусе. Она в этом нуждалась, а он не мог заставить себя делать то, чего не хочет. Намного практичнее проявить свою любовь мытьем посуды или энергичными танцами с пылесосом.

Они познакомились в кафе. Айрис читала письма Сильвии Плат в бледно-розовой обложке, запивая впечатления чаем с мелиссой. Кашемировый свитер лавандового цвета (так сказала она, по мнению Джонни нет смысла называть сиреневый лавандовым), ямочки на щеках и медно-кудрявое облако волос. Под ключицей у нее была татуировка в виде веточки вереска, обвивающей деревянную палочку для меда. «Это в честь баллады Стивенсона о храбрых пиктах» – улыбнулась она, и он сразу почувствовал в ней что-то особенное.

Их сблизила та разновидность одиночества, которая знакома только эмигрантам, встретившимся на чужой для обеих территории. Жить в другой стране – все равно что быть

одним из островков в архипелаге. Формально ты окружен другими островами, но между вами бурлит слепой, соленый, темный океан, разделяющий клочки суши стремительными потоками разных языков и менталитетов.

Шотландка и ирландец – сюжет, достойный Шекспира. Мечтательница и уставший от жизни циник. Столичная красавица и парень из ирландской глубинки, впервые покинувший пределы страны только в день совершеннолетия.

Он знал, что Айрис много путешествовала: видела тосканские поля, нежную голубизну Эгейского моря, северную рожь русских просторов, и втайне считал себя слишком скучным по сравнению с ней, пустой шкатулкой без страннических историй. Чем он мог удивить ее? Рассказами о детских прогулках по торфяным болотам в поисках затонувших бутылочных кораблей? Первой поездкой в краснокирпичный Дублин, где отец с гордостью отвел их в шумный, с традиционными ирландскими танцами под визгливую скрипку, ресторан, расположенный прямо в церкви, тем самым мстительно насмехаясь над религиозностью жены?

Впрочем, увлеченность Айрис литературой и поэзией быстро утомила Джонни. Она бесконечно цитировала английских и русских писателей, форма облаков могла напомнить ей сцену из «Любовницы французского лейтенанта», а жизненные перипетии она рассматривала через преломление выдуманных, мертвых, как ноябрьские листья, историй.

Он видел, что девушка ждала от него понимания, мгно-

венного включения в ее ассоциации и настроения, но Джонни мыслил диаметрально противоположно, по-мужски. Если он был занят каким-то делом, любые параллельные мысли отключались, как электричество рубильником. Кроме того, его литературный багаж пустовал: там завалялись разве что пропахшие нафталином стихи Бернса о природе, да рубленые цитаты Хемингуэя. Он попросту не понимал, как книги могут стать основной страстью человека, они казались ему слабым подобием настоящей жизни, жиденьким суррогатом реальности. Еще в школе он разучился мгновенно включать воображение: он читал, герои создавали видимость бурной деятельности, но связанные с ними картинки и образы не оживали в его голове, перемежаясь всполохами телевизионных помех.

Его отец тоже писал стихи. Джонни поражало несоответствие его изящного каллиграфического почерка и грузной фигуры, втиснутой в серый костюм школьного директора. Он прятал от жены кремовые листочки с рифмами, строки о любви, которой он никогда к ней не испытывал.

Его простая необразованная мать, нарочно смущавшая склонного к дендизму отца своими безвкусными нарядами, нелепыми комментариями и опущенной вниз подковой вечно тревожного рта, и отец, эрудит и эстет, непризнанный поэт и мятущаяся душа. Что могло свести таких разных людей вместе?

Джонни думал, что некоторым парам лучше никогда

не заводить детей, заряжая их взаимной нелюбовью, с детства убивая веру в счастливый брак. Если неожиданная беременность – единственное, что толкает людей быть вместе, не проще ли сразу прервать ее? Зачем плодить нелюбовь, заполняющую землю сорняками недолюбленных, неполноценных людей?

Он знал о романах отца на стороне, об унижительных домашних скандалах: мать по-змеиному шипела на мужа, с завидным упорством выводя того из равновесия, а когда он терял контроль над собой и оглушал своды дома сочным басом, прибегали соседи и возмущались «чудовищным патриархатом», «невиданной тиранией». Даже грозились сообщить обо всем в полицию. Только им было невдомек, что настоящий тиран часто находится в позиции жертвы, доводя партнера до иступления, питаясь вспышками его гнева, вытягивая из него невидимые нити жизненной энергии. Мать выпивала из отца Джонни все соки, притворяясь слабой и измученной, угнетенной и непонятой.

Еще в юности Джонни решил, на чьей он стороне. Настроение отца передавалось ему, он начинал медленно ненавидеть цветастые косынки матери, приглушенный шепот утренних молитв, чрезмерно отдающий чесноком картофельный суп, которым она гордилась. Наверное, она чувствовала это охлаждение, потому что в какой-то момент перестала целовать сына перед сном. Потеря столь естественной традиции вторично обрубила пуповину между ними.

Школьные успехи, плохие сны, имена друзей или кумиров Джонни и вовсе никогда не задерживались в складках ее памяти. Она считала, что родительский долг прежде всего состоит в том, чтобы кормить, чисто одевать и вовремя укладывать спать. Недоуменно морщилась, когда знакомые отца упоминали космически далекие от нее термины вроде «эмоционального климата в семье», «необходимости адаптации к психотипу ребенка», или «предотвращения психологических травм». Зачем эти глупые люди, самодовольно считающие себя самыми умными, копают глубже, чем нужно? Все тайны земли лежат на поверхности, чуть присыпанные песком, нет нужды углубляться в ее темные запутанные недра.

Всю свою нерастраченную любовь миссис Белл направила на младшего брата Джонни, сухого и длинного, как ствол березы, Майкла, мечтающего стать биологом. Они шептались о чем-то перед вечерним телевизором, мать приглаживала его тонкие светлые волосы, незаметно подкладывала лишнее пирожное в коробку для завтрака, дарила ему книги о насекомых и анатомии человека.

С тех пор, как Майклу исполнилось тринадцать, он стал следить за отцом, отмечая все его промахи в блокнотике, чтобы потом рассказать матери. Невозможно сосчитать, сколько подзатыльников подарил ему Джонни, презирующий крысиные повадки брата. Опасаясь репутации маменькиного сынка, шлейф которой всегда волочил за Майклом, он никогда не знакомил его со своими друзьями.

С возрастом ничего не изменилось, ситуация застыла в самой неблагоприятной стадии, как ледяная скульптура, облитая водой. Их семью сожрала терминальная стадия рака. С тех пор как Джонни переехал в Женеву несколько лет назад, они с матерью созванивались только на Рождество, обмениваясь вымученными поздравлениями. Он так и не простил ей того, что отец рядом с ней окончательно потерял вкус к жизни. Джонни не мог отделаться от мысли, что именно она довела его до могилы, даже если вину ее нельзя было классифицировать как медленное убийство.

Отец всегда много пил, но последние годы перестал делать это элегантно. Он мешал крепкие напитки с транквилизаторами и таблетками, понижающими давление. Мог неделю не выходить из запоя, вставая только для того, чтобы выпить очередную рюмку. Впал в ипохондрию, и каждое пятнышко на не по-ирландски смуглой коже казалось ему разросшейся раковой опухолью. Панические атаки обрушивались на его истощенный алкоголем и усталостью мозг, как зомби на опустевший город.

Все соседи знали о его многолетнем романе с учительницей школы, в которой он был директором. Он полюбил интеллигентную, скромную женщину, так не похожую на крикливую жену. Достоянная стать музой, она отпечаталась между его сочащихся любовью поэтических строк, написанных высоким слогом. Он рисовал ее Прекрасной Дамой, овеянной цветочными духами, закутанной в шелка, недостижи-

мой мечтой, которой невозможно коснуться. Сложись жизнь иначе, из них бы получилась идеальная пара.

Но жену, с безвкусными, свекольного цвета волосами и хитрыми глазами, полными притворной религиозности, отец бросить так и не смог. Может быть, его держали сыновья. Мифический долг, дань аристократическому благородству. Или сказалась природная мягкость, граничащая с безвольностью.

Проще оказалось задохнуться в алкогольном угаре, когда непонятно откуда взявшийся змей асфиксии прервал его короткую, мелкую, далекую от воспеваемой им поэзии, жизнь.

На похоронах играли скрипки. Долину заволкло жемчужно-серым туманом, кладбищенская трава покрылась тончайшей глазурью измороси, ученики его школы стояли притихшие и отчужденные в своей скучной черной форме, а глаза матери оставались сухими. Брат даже не подошел к могиле, будто презирал покойника за то, какой образ жизни тот вел, за то, что он так и не смог полюбить мать, которая, по мнению выросшего Майкла, заслуживала нормальной семьи.

Джонни скучал по нему каждый день. Носил в кошельке черно-белую фотографию: на ней отец улыбается, но глаза грустные, словно на этой земле он всегда чувствовал себя не дома. Как в песне Talking Heads, под которую Джонни танцевал на выпускном³.

³ Имеется в виду песня «Once in a lifetime» (прим. ред)

Они с сыном ничуть не похожи: черные, как жуки-скарабеи глаза отца против молочно-голубых, похожих на поверхность замутненного пруда, глаз Джонни; по-цыгански полные, сочные губы против плотно сжатых тонковатых; и даже цвет волос не совпадал – червонная чернота с серебряными седыми нитями и светло-русая челка.

«Наверное, я выбрал Айрис, потому что характером она чем-то напоминает мне отца» – подумал Джонни, но тут же разозлился на себя за этот неуместный фрейдизм, которым можно было объяснить любое полуосознанное движение души. Да и верит ли он вообще в эту самую любовь?

За дверью бара жара усилилась. Женевский воздух, густой и неподвижный, как исландский скир, казался инородным, до обидного не похожим на вольную прохладу Килларни. Озерная вода испарялась, пропитывая атмосферу удушливой влажностью теплицы.

Выпитое виски вражески бурлило где-то в районе солнечного сплетения. Мимо проходили по-субботнему разухабистые компании студентов, мало думающие о будущем. Джонни в свои двадцать восемь, вдруг почувствовал себя не по возрасту старым, даже древним, как мегалиты в английской деревушке Эйвбери. Зато он уже перешел опасный рубеж Клуба 27⁴.

Решив еще немного сократить срок жизни, парень достал

⁴ Объединенное название влиятельных музыкантов, умерших в возрасте 27 лет, иногда при странно сложившихся обстоятельствах (прим. ред)

из кармана мятых темно-синих брюк пачку сигарет. «Последняя» – чертыхнулся Джонни, с неудовольствием вспомнив, сколько раз обещал Айрис распрощаться с пагубной привычкой, а потом покупал целый блок и прятал его в корзине с грязным бельем. Черт возьми, эта девушка требует от него слишком многого...

По мере того, как Джонни удалялся от шумной площади Планпале, тишина вокруг застывала, как черная вода венецианских каналов в просвете двора-колодца.

Мертвенно-зеленый свет аптечных крестов в городской ночи и пугал и успокаивал Джонни. Он не был счастлив, но и несчастлив не был. Как можно измерить счастье, если каждый день похож на предыдущий, как машины, выпущенные с конвейера? С течением времени неизбежно привыкаешь не вылезать из костяной раковины, приглушая свои эмоциональные реакции.

Музыкант прошел мимо мятной вывески кондитерской La Dugée, думая не купить ли Айрис парочку так любимых ею разноцветных макарунов, но тут же одернул себя: мало денег, чтобы тратить их на такие эфемерные мелочи, да и роль романтика сидит на нем, как неподшитое пальто. Один раз выстрелишь фейерверком сентиментальности, а потом от тебя все время будут ждать продолжения банкета, в котором у тебя нет сил участвовать.

Стоя на остановке в ожидании автобуса, Джонни не сводил глаз с нищего, у которого не хватило денег на новую

одежду, зато нашлось несколько франков на пакетик марихуаны. Столько бомжей и сумасшедших он видел разве что на улицах Дублина: там они были достопримечательностью, лелеемой местными жителями. Молодые и старые, красивые и изъеденные жизнью, они горделиво мерились мешками, в которых спали около банков и магазинов; складировали подаренные стаканчики с кофе и пресыщенно ковырялись в принесенных жалостливыми наблюдателями пирожных. Кое-что все же изменилось со времен Джойса: не такие уж они теперь угнетенные, эти «дублинцы».

Джонни немного завидовал таким людям. В их жизни, вопреки общественным стереотипам, нет неопределенности. Они думают только о том, что бы поесть и где бы поспать. А ему надо двигаться, расти, чинить, радоваться или грустить, быть кому-то полезным. Это выматывало даже больше пятничных концертов в «Кракене».

Он занял место у окна в самом конце автобуса и надел наушники, отвергая звуки внешнего мира. Музыка. Единственное, что до сих пор вызывало у Джонни сильные эмоции. Инструментальные пассажи Металлики, пронзительные скрипки британских фолк-коллективов, по-скандинавски мрачная тяжесть прогрессивного шведского металла, эклектика венгерского симфонического рока, ленивый скрежет вокала Кобейна – все это входило под кожу лезвием бритвы и топорило роем мурашек, словно в его мозгу был отдельный центр, отвечающий за физическое наслажде-

ние музыкой.

Он помогала ему познавать людей. Когда он ехал с кем-то в машине и включал песни, удовольствие от которых рывало его изнутри, а человек даже не вслушивался в мелодию, воспринимая ее как необязательный фон и рассказывал о чем-то своем поверх, Джонни воспринимал это как личное оскорбление. На его языке демонстрация дорогих сердцу песен означала: «Вот он я, смотри что у меня внутри, оцени, чем я живу!». Пренебрегая его любимой музыкой, человек хладнокровно отказывался понять его самого. Хорошая композиция требует полного погружения, осмысленного плавания в водах ассоциаций и воспоминаний, низводить ее до прозаичного фона для глупых разговоров – преступление, достойное статьи в уголовном кодексе.

Джонни даже поймал себя на мысли, что сильнее всего влюблялся всего дважды – и оба раза благодаря музыке. Он знал, что совместное прочувствованное прослушивание самых разных по настроению композиций сближает, влюбляет друг в друга, будто сюжеты песен и нотные переливы невидимой калькой ложатся на их жизни, и во всех этих словах и звуках – отсылка к ним самим, двум людям, слушающим эту конкретную песню в этот конкретный момент. Неслучайно выбранная песня накрывает знакомящихся друг с другом людей плащом-невидимкой – прочнейшим железным заносом от несовершенств нашего мира.

Так Айрис закинула первый крючок в его отвердевшее

после нескольких вялых окололюбовных историй сердце, с неподдельным вниманием и уважением слушая его любимые пластинки. А уж когда она показала ему пару ни на что не похожих песен (кажется, это был русский романс в готической обработке и вамп-метал с мощным женским сопрано, словно написанный самим Дракулой для бала Сатаны), Джонни проникся к ней уважением меломана, безошибочно узнающего своих. Другой нетипичной точкой соприкосновения стали их суицидальные шутки. Они так часто шутили о том, как, где и когда можно умереть, что иногда Джонни казалось, что все это всерьез. Один раз, когда Айрис сидела на подоконнике, у него в сознании промелькнуло страшное видение: она падает, как подбитая камнем чайка, а он беспомощно стоит и смотрит в мазутный провал окна, не в силах спасти ее.

Музыка... Когда-то он и сам мечтал стать выдающимся музыкантом: играть не на доступной каждому акустической гитаре, а меняющими сердечный ритм электронными гитарными рифами. Не исполнять чужие песни, а импровизировать. Однако Джонни отступил без боя, осознав, что для этого надо неопределенно долгое время работать на износ, вкладывая в успех намного больше того, что имеешь, ничего не получая взамен. Пришлось заползти обратно в свою берлогу, как уставший от лета и мечтающий об очередной спячке медведь. Заштатный женеvский бар три раза в неделю как раз его уровень. Как говорится в одной ирландской поговор-

ке: «Если кинуть камень в пабе, он точно заденет как минимум трех поэтов или музыкантов». Таких, как он слишком много. Миру не нужны одинаковые голоса.

Отец часто говорил: «Не боги горшки обжигают», но Джонни пришел к выводу, что все же боги.

В эту минуту автобус проезжал мимо ночных полей не освещенных лучами фонарей – швейцарское государство почему-то сэкономило на электричестве. Джонни старался, чтобы выбранная песня соответствовала настроению и проплывающему за окном пейзажу, поэтому включил медленную, исполненную мрачного томления композицию Ника Кейва, когда они проезжали мимо тюрьмы Шамп-Доллон.

Бездумно глядя в окно, парень разглядел маленькую, согнутую пополам женскую фигурку, выходящую из тюремных ворот. Каково это, навещать мужа, брата или ребенка, зная, что они совершили что-то ужасное? Какое чувство преобладает у посетителей, покинувших зону вынужденной несвободы: грусть или облегчение?

Он слышал, что в швейцарских тюрьмах комфортные условия, что-то вроде двухзвездочного отеля. Просторные камеры, книжные полки и собственная ванная комната. Может даже лучше его съемной квартирке в Папланже. И опять же – не надо ничего делать, за тебя уже все решили.

Джонни лукавил: ему нравилось в Папланже. Тихая коммуна среди подсолнуховых и кукурузных полей отвечала медленным, флегматичным ритмам его души. Суета боль-

ших городов отравляла – именно поэтому он так и не смог полюбить Дублин, где проучился два года.

Позорно провалившаяся попытка стать врачом тоже пропитала столицу запахом неудачи. Вместо того, чтобы писать диплом, он месяц валялся на кровати в тесной комнате, делая вид, что обязательств не существует. Каждый день обещал себе сесть за работу, но продолжал лежать, как мешок с дустом, будто его придавило упавшим с горы валуном. Он сам не знал, как объяснить мертвенное оцепенение, охватившее его той зимой: словно он сдал тело в аренду какому-то всепоглощающему духу лени, а сам вышел в астрал. А если вспомнить, что именно в том ноябре умер отец...

С тех пор Джонни точно знал, что его вклад в мир будет незначительным, у него просто недостаточно сил и желаний для свершений, он вполне искренне ничего особенного от жизни не ждет. Надо ли говорить, что его амбиции и до этого никогда не отличались голливудским размахом?

Автобус приехал на конечную остановку около церкви. Перед тем как выйти, Джонни достал из кармана жвачку – так оставался шанс, что Айрис не почувствует запаха сигарет. Главная улица коммуны, привычно охваченная сонным мороком, встретила его тишиной, разорванной разве что щебетом спрятавшихся в кронах деревьев птичек.

Папланж воспроизводил деревенскую атмосферу из уютного французского кино.

Мэрия, регистрационный зал и музыкальная школа в од-

ном здании. Двухэтажные дома, увитые плющом и бархатными розами. Столбики, еще с Рождества по-детски наивно выкрашенные Санта-Клаусами. Соседи, знающие любимые марки вин друг друга. Нелепая скульптура дощечки домино, увенчанной колоколами, посреди городской площади. В таком по-протестантски безыскусном мире легче чувствовать себя незначительным.

Джонни зашел в свой кондоминиум, в котором находилось несколько квартир, с трудом выуживая ключи из кармана брюк. В общем коридоре витал неистребимый запах ладана, напоминающий ему о матери. Неужели существуют моющие средства для кафеля с экстрактом ладана?!

Еще с порога Джонни почувствовал, что в квартире что-то не так. Обычно Айрис встречала его по пятницам: в этот день у нее не было учеников. Она преподавала рисование в частной школе – шадящий график, частые отмены уроков из-за капризов детей или родителей. Она давно должна была вернуться домой.

Но сейчас в квартире царил беспорядок. Незастеленная кровать, грязные футболки Джонни на полу, пепел очередной палочки благовоний на журнальном столике («Жасмин освежает» – говорила Айрис, а он задыхался от этой удушливой сладости), перевернутая кошачья миска с растекшимися молочными островками.

– Что за черт? – громко спросил Джонни, опасаясь вторжения (надо признать, очень невзыскательных) грабителей.

Вдруг они все еще в квартире?

Захлопывая створки шкафа, он заметил, что вещи Айрис исчезли. На вешалках больше не висели ее кашемировые свитера пастельных оттенков и не отличимые друг от друга платья с флоральными мотивами. Пропала стопка недочитанных книг, всегда загораживающая Джонни телевизор. Даже ее любимой кружки с цитатой Оруэлла больше не было в кухонном шкафчике. В качестве доказательства того, что она ему не привиделась, остались бруски ароматного итальянского мыла в хрустящей упаковке, которые она клала в вещи Джонни, чтобы придать им аромат олеандра, мускуса, персика и еще черт знает чего. У нее была мания облагораживать пространство вокруг себя, набрасывая цветистые вуали на все, что вызывало у нее сомнения или страхи. Ну вот, он уже употребляет прошедшее время, вспоминая о ней...

А ведь этим утром они прощались как ни в чем ни бывало – Айрис механически поцеловала его в щеку и пожелала удачного дня. Слишком кинематографично было расстаться без предупреждения, обставив свой уход с детективным флером, будто ее похитили прямо из квартиры. С другой стороны, это вполне в духе Айрис, он не раз говорил ей про «поэтичность головного мозга». Нелепая одержимость красотой и благородством...

Несколько минут спустя Джонни заметил белый почтовый конверт под кружкой с недопитым чаем. Еще один признак ее недавнего присутствия. По утрам она всегда пила зеленый

чай с марокканской мятой. Когда однажды Джонни налил ей чашку черного чая с бергамотом, она посмотрела на него так свирепо, будто он только что предложил ей угоститься чашей цикуты.

Он вскрыл конверт, почему-то не ощущая приличествующего случаю волнения. Кажется, от него снова ушли, не спросив его мнения.

«Милый Джонни,

Я долго терпела, прежде чем уйти. Все еще надеялась, что ты изменишься: встанешь, распрямись, наконец откроешь глаза.

Но мы не вправе требовать от других соответствия своим ожиданиям. Прости меня за то, что ждала от тебя больше, чем ты готов был дать мне.

Не хочу, чтобы ты повторил судьбу моего отца, тем самым заставляя меня продублировать историю моей матери.

*Спасибо за те самые моменты, я их не забуду,
Айрис»*

Джонни скомкал листок и бросил его в мусорную корзину. Согласно мелодраматическому кодексу и задумке Айрис, он должен был испытывать «горькие, как миндаль, муки уязвленной гордости и потерянного счастья». Она всегда выражалась слишком выпренно, будто хотела стать героиней книги и из него заодно слепить духовно одарённого книжного персонажа.

Но ему было почти все равно. Он и сам немного устал

от повторяющегося ритма их совместной жизни. От разлитого в воздухе ожидания романтики и нежности. От ее попыток заставить его делать что-то по дому, по работе, по движению вперед и вверх. Он такой, каким сделали его предыдущие годы, ему не нравилось давление, завуалированное насилие, слишком очевидное желание Айрис подогнать его под свои представления об идеальном мужчине.

Джонни вообще не понимал, чем не угодил этой спесивой шотландке. Он всегда проявлял к ней внимание, ценил время, проведенное вместе, мыл посуду несколько раз в неделю; ему ни разу не хотелось уйти из общей постели, ведь так сладко было обнимать ее перед сном. Он покорно слушал пространные рассказы о глупых учениках, кивая в нужных местах и время от времени приговаривая: «Вот это да!», «Ты шутишь?», или даже «Понимаю!»

Значит, этого мало? Он должен был скакать перед ней как джентльмены в каких-нибудь страстно-благочестивых викторианских романах, заваливать ее малиновыми и белыми розами, петь серенады под окном первого этажа?

Он не создан для раболепного слюноотделения и стихотворных виршей в стиле Вордсворта. Ему не нужны соловьи и розы, чтобы показать любовь. И о каких конкретно моментах она говорит? Почему женщины думают, что мужчины запоминают те же самые вещи? Наверняка там опять какая-нибудь сентиментальная лабуда, которой он не придавал особого значения.

А это набившее оскомину «открой глаза пошире»? Его раздражало, когда Айрис спрашивала, почему он все время такой сонный, равнодушный, зачем говорит таким ленивым, вальяжным голосом.

«У тебя вечно полузакрытые глаза, будто тебя все бьют», – говорила она, ожидая, что он начнет ее переубеждать. Но ему в такие моменты просто хотелось, чтобы его оставили в покое. Не он выбирал себе чертов разрез глаз.

Следуя скорее чувству долга, чем желанию, он набрал ее номер. Лишь равнодушный голос швейцарского оператора в ответ. Надо же, как подготовилась, даже телефон отключила.

Джонни пнул жестяную миску, чуть не задев толстого морковно-рыжего кота, которого она почему-то не забрала, хотя они покупали его вместе. Сейчас ему не хотелось видеть даже этот вечно довольный жизнью комок шерсти, ласково трущийся об его ногу. Никто на свете не заслуживал его душевного тепла. Возможно, даже отец.

Затем он достал из холодильника банку недостаточно ледяного пива, пролил его себе на грудь, потянув алюминиевый язычок слишком сильно, как чеку гранаты, и ругаясь самыми непечатными словами, которые так травмировали изнеженную душу Айрис, плюхнулся в кресло напротив телевизора.

В бедро впилось что-то острое – кончик перьевой ручки, которой она писала письмо. Сплошные демонстративные ат-

рибуты поэтессы. Надо было признаться ей, что он не смог тогда дочитать сборник ее стихов, может, это хоть немного сбило бы с нее спесь. Джонни не поленился встать и кинуть ручку в мусор вдогонку ее претенциозному письму.

На ум опять пришли слова песни, которую он слушал по пути на работу сегодня вечером: «In her sunshine blouse she prefers to keep the desperate men out. If I stay away and then she'll feel okay, cause the smile on her face is poison»⁵. Теперь это звучало как пророчество. Как же много на свете людей, которые притворяются мягкими и глубоко чувствующими, а на самом деле ничем не лучше, а то и хуже нас! В этот раз Айрис сама не считалась с его чувствами. Сказалась ее инфантильность, она не привыкла решать вопросы по-взрослому, раз даже не удосужилась сказать ему о своем решении лично.

Снова ничего хорошего по телевидению. Заумные викторины, пропитанные неуместной зефирной романтикой французские мелодрамы, глупые полицейские сериалы. Он хотел было оставить канал с музыкальными видео, но понял, что сегодня его детектор засорился – слишком много нот контрапунктом засело в уставшем мозгу.

Вкус пива казался кислым, будто оно перебродило. Джонни вылил его в раковину, до краев заполненную посудой. По-

⁵ «В своей солнечной блузке она предпочитает держать отчаявшихся мужчин на расстоянии. Если я буду далеко, она будет чувствовать себя хорошо, потому что улыбка на ее лице – яд» (англ.)

шарил в шкафчиках в поисках чего-нибудь покрепче, но наткнулся только на абрикосовую шотландскую настойку, которую Айрис привезла из Эдинбурга – на вкус как средство для мытья посуды, самое то для всяких *поэтесс*. Он сел обратно в кресло и попытался сосредоточиться на британской картине о заикающемся короле, но бороться со сном становилось все сложнее. К тому же, он никогда не увлекался кино, что тоже всегда напрягало бывшую девушку. Подумать только, она сама могла смотреть до четырех фильмов в день в свободные выходные! Как можно под завязку забивать голову выдуманными отрывками чужих жизней, а потом удивляться тревожным состояниям и лошадиным скачкам настроения?

Почти четыре часа ночи, а сна ни в одном глазу. Айрис часто выказывала недовольство тем, что он ложился так поздно, как ему заблагорассудится. Он мог лечь в три, четыре, даже шесть часов утра, а она почему-то чувствовала себя обязанной бодрствовать вместе с ним, стоять у открытого окна, глядя на утреннюю дымку в полях, пока он насыщает туман сигаретными парами. А на следующий день жаловалась, что во время уроков у нее закрывались глаза, и в голове что-то звенело.

«Лечиться надо, если звенит», – пробормотал Джонни сквозь накатывающие валы сна. Ему было жарко, бессмысленная борьба вентилятора с тридцатью градусами в ночи закончилась поражением, а он так и не передел футболку,

издававшую приглушенный запах пива, и теперь она с удвоенным старанием липла к мокрому телу.

Он не мог отрицать, что вместе с закономерной злостью испытывал облегчение. Отныне он сам себе хозяин, он больше никому ничего не должен. Их отношения слишком долго находились на безопасном плато: скоро она захотела бы замуж, перестала бы пить противозачаточные таблетки, и тогда...

И все же, засыпая, он остро ощущал нехватку ее теплых рук, обвившихся вокруг него и запаха бесхитростного ромашкового шампуня от ее разметавшихся по подушке волос. В том, что касалось совместного сна, они идеально подходили друг другу – как детский конструктор. Каждая поза казалась идеальной, придуманной специально для них. Это было спокойствие того рода, что испытывает ребенок, свернувшийся в околоплодной жидкости и меньше всего на свете желающий ворваться в шумный, мельтешащий мир людей снаружи. Можно даже сказать, что совместный сон – единственное, что по-настоящему держало их вместе, еженочно подклеивая недостающие кусочки осыпающейся смальты.

А еще он зачем-то вспомнил, как она пела ему традиционные шотландские песни на гэльском. Что-то про русалок, плавающих в фосфорически-зеленой воде, мешающих морякам увидеть луч маяка. Тогда он еле сдержал себя, чтобы не сказать, что это слишком возвышенно для него, но на самом деле сюжет задел его своим зазубренным краем. И ее

неожиданно низкий и убаюкивающий голос напомнил что-то полузабытое, нежное, оставленное под сводами детской с ночником в виде апельсинового полумесяца и теплыми мамиными руками.

А как нежно Айрис целовала его лицо, гладила два маленьких параллельных шрама на щеке (ничего героического – всего лишь воинственная соседская кошка), кончиками пальцев водила по спине, покрывая ее полчищем мурашек... Во время сна они никогда не расплетались, даже под натиском духоты, а ближе к пробуждению сквозь розовую рябь сна он часто чувствовал такой неистовый, идущий из самых глубин существа, прилив желания, что Айрис потом со смехом жаловалась, что он фактически изнасиловал ее, пока она спала. «Но тебе же понравилось?» – лениво улыбался он, а она смущенно пряталась в удобном, согретом их ночным теплом, углублении под его плечом.

Джонни уснул и пропустил тот момент в фильме, когда Эдуард VIII отказался от британского трона, чтобы жениться на разведенной американке Уоллис Симпсон. Иначе он бы обязательно сказал, что это глупо и слишком сладко, поймав укоризненный взгляд отныне покинувшей его Айрис, у которой в уголках глаз блестели бы слезы. Ей так нравились рыцарские поступки во имя любви...

Экспозиция №2

...Во сне он бежит сквозь хвойный лес. Колючие лапы изумрудных елей кусают за лицо, мох на камнях скользкий, как океанские водоросли, он уже ободрал плечо об ощерившуюся кору дуба. Прямо на бегу он начинает стремительно уменьшаться: уже не видны верхушки деревьев, узкая тропа становится необъятной пустыней, кучи валежника – непроходимым лабиринтом зарослей. Мышьячный привкус паники на губах, сердце бьется чугуном, словно из последних сил. И тут он видит крохотную фею на сиреновом колокольчике: она держится за стебель цветка, как пират за мачту. На ногах у нее золотые туфельки величиной с дождевую каплю, в ручках огромная, умытая росой ягода черники.

– Пойдешь с нами? – спрашивает она, и смех ее хрустальнее туфелек Золушки.

– Куда? – страх засыпал ему в горло целый ковш песка, язык свернулся в пересохишем рту неповоротливой улиткой.

– Не будь глупеньким: конечно, в наше королевство. Тебе понравится! Там медовые реки, многоуровневые сны, цветочные поля оттенков, которых ты еще не видел, нектары забвения, помогающие забыть прошлое... И никаких людей, только мы. Мы будем играть целый день напролет, ты вспомнишь давно ушедшее детское чувство беззаботности, ты...

– Но я не хочу ничего забывать, не хочу уходить отсюда, – лепечет он, и даже голос его кажется уменьшенным, нелепым, как младенческое агуканье.

– Зачем тебе другие люди? – крохотные фиолетовые глаза феи загораются презрением. – Они тебе не нужны, не нужны, не нужны, и ты им не нужен, не нужен, не нужен...

Затем она шипит, кричит что-то на языке фейри и кидает в него ягоду величиной с планету...

Вторая глава

Джонни разбудила воробьиная трель дверного звонка. Голова болела, несмотря на то, что вчера он ограничился пивом, хотя мог бы позволить себе что-нибудь покрепче. Не каждый день от тебя уходят девушки.

«Вернулась, – подумал он, приближаясь к двери. Смахивая остатки фольклорного сна, как крошки с поверхности стола, он пытался понять, какие эмоции испытывает по поводу возвращения Айрис.

Но за дверью никого не было. Только записка, проткнутая дверной ручкой, точно шампуром.

«Мы теперь только так будем общаться?» – с раздражением подумал Джонни. Как в чертовом девятнадцатом веке.

Однако в этот раз записка была не от Айрис.

«*Mon cher ami*⁶,

Приглашаю тебя в кафе «*Le coin d'espoir*» за наш столик через десять минут. Мне есть, что тебе рассказать»

Джонни аж передернуло от такого обращения, от неуместной интимности «нашего столика». Нетрудно было угадать отправителя. Такой уровень патетики мог исходить только от его соседа Ноа.

⁶ Мой милый друг (пер. фр)

Женева – взрывоопасная смесь, многоступенчатый коктейль из десятков культур. Все осложняется тем, что иностранцы здесь не просто туристы: наводняющие улицы европейцы всех национальностей, азиаты и африканцы приехали сюда не на неделю, чтобы полюбоваться озером и купить открытки с Монбланом – им приходится сосуществовать рядом, ежедневно сталкиваясь во всем многообразии своих культур, точно тектонические плиты с трудом притирающиеся друг к другу.

Но гаваец в Женеве мог удивить даже привыкших к этнической экзотике швейцарцев. Переехать из островного рая, где главными занятиями остаются плетение цветочных гирлянд, ловля рыбы к ужину и выражение вселенской любви через «хулу»⁷, казалось неосмотрительным. Ограниченность озера после величия океана должна была угнетать, островерхая раскатистая жеманность французского резать слух после мягких и гладких, как очищенные песком камешки, гласных гавайского языка.

Однако Ноа не терял оптимизма: он словно вышел из материнского чрева с широкой, приклеенной к лицу, но при этом не вызывающей сомнения в своей искренности, улыбкой. Он не знал, что такое меланхолия или потеря веры в себя, жизненные препятствия казались ему бутафорскими декорациями в детских спектаклях. Ноа сочился, искрился, го-

⁷ Хула – гавайский танец, сопровождаемый ритмической музыкой и песнопением, известным под названием меле (прим. ред)

рел любовью к ближнему. Качество, которое казалось Джонни совершенно недальновидным. Сам он привык не ожидать от мира ничего хорошего, чтобы не пришлось потом испытывать кислый вкус разочарования.

Они познакомились в «Кракене», когда Джонни играл цикл песен с альбома своего тезки Джонни Флинна – известного в узких кругах английского музыканта. В Женеве его, разумеется, никто не знал. Он как раз заканчивал балладу про то, как герою хочется, чтобы его кто-нибудь слушал и слышал⁸, когда Ноа подбежал к сцене в приступе экзальтации и обнял Джонни. Он вообще очень любил обниматься со всеми, к кому испытывал симпатию. Большой, уютный, по-женски округлый, он походил на добродушную плюшевую акулу. Айрис даже прозвала его «Блохэй» в честь одноименной шведской игрушки из «Икеи».

Ноа переехал совсем недавно и как раз искал недорогое жилье. Слово за слово, три «Кровавых Мэри», и тут Джонни в порыве редкой для него душевности, сообщил гавайцу о том, что старый сосед съезжает и освобождает маленькую квартиру в его кондоминиуме. Не захочет ли новый приятель жить рядом с ним? Не прошло и минуты, как он получил шумное согласие.

И все же, их ожидания по поводу степени сближения не совпали. Джонни было достаточно встречаться раз в неделю за кружкой пива, рубиться в видеоигры, пока Айрис хо-

⁸ Имеется в виду песня «Been Listening» (прим. ред)

дит в кино или музеи, и обсуждать незначительные происшествия, впечатления от которых выветривались быстрее дешевой туалетной воды. А вот Ноа, видимо, лелеял мечту стать его лучшим другом. Некоторые знаки его внимания превышали внутренний лимит Джонни, становясь навязчивыми. Приглашения на местный, отнюдь не зрелищный футбол, прогулки по воскресному Риву, даже акции в торговых центрах – Джонни устал придумывать отговорки, чтобы просто остаться дома.

Однажды Ноа позвонил ему среди ночи, чтобы предложить съездить вместе в Милан на двухэтажном автобусе. «Извини, но ты не настолько меня возбуждаешь», – едко сказал Джонни прежде чем положить трубку. Как же его раздражала такая беспардонность!

Так и сейчас, эта записка, подброшенная тайком, ультимативное приглашение на встречу, увенчанное кокетливой вишенкой «милого друга». Может, он не хотел сегодня никого видеть, а теперь придется вылезать из мягкого кресла, что-то надевать, выходить в лишающее последних жизненных сил пекло...

Джонни быстро поменял одну темно-синюю футболку на другую, тоном посветлее, и со вздохом, равным по мощи урагану Катрина, выполз на улицу.

В лицо ударила новая волна июльской жары. Асфальт, уже не успевающий остывать после полутора месяцев чересчур теплых ночей, источал волны горячего воздуха. Даже обычно

гиперактивные соседские дети, катающиеся на велосипедах, казались вялыми, будто родители силой заставили их развлекаться.

Сонные жители коммуны змейкой плелись в местную протестантскую церковь с плоской крышей, из которой уже доносились торжественные звуки литургии. Хрипло скрипели дверцы булочной, пропуская живительный запах свежеспеченных круассанов.

Джонни прошел мимо субботней ярмарки на площади, с подозрением глядя на выцветшие помидоры и помятые персики в лотках, заляпанные кофейными пятнами старинные открытки и убогие украшения для хиппи. Затем зашел в дребезжащую колокольчиком дверь маленького кафе со столь не подходящим ему названием: уголок надежды мог бы выглядеть более жизнеутверждающе. Зато играющая внутри музыка порадовала – один из бессмертных хитов Red Hot Chili Peppers. Джонни готов был целый день мчаться по безликому шоссе под очищающие ритмы Californication, только ехать было некуда. Помнится, он все время отказывался от предложений Айрис исследовать Швейцарию...

Оказавшись в кафе, он сразу увидел гавайца: тот сидел в дальнем углу, спрятав голову под тенью соломенной гондольерской шляпы с черной окантовкой. Кроме того, на нем были огромные солнцезащитные очки, которые он снял с плохо удавшейся грацией только при приближении ирландца.

– Что за шпионские игры? – спросил Джонни, садясь напротив него.

– Конспирация, – многозначительно кивнул Ноа, откладывая газету.

– Что на этот раз? – вздохнул музыкант.

– Ты разве не замечал ничего подозрительного?

– Из подозрительного тут разве что твоя шляпа. Где ты вообще ее откопал?

Стиль Ноа заслуживал отдельного упоминания. Он и под страхом смерти не надел бы очевидную гавайскую рубашку, даже в такую изнуряющую жару. Джонни подозревал, что приятель стеснялся своей полноты и не хотел выглядеть типичным островным весельчаком. Он всегда носил однотонные офисные рубашки и безликие, не привлекающие внимания к проблемным частям, фланелевые брюки. Хотя если бы он выбирал цветастые приметы родины, расплывшиеся под мышками пятна пота привлекали бы меньше внимания.

– Давай сначала закажем поесть, – проигнорировал его замечание Ноа, подзывая официантку.

– Мне тыквенный латте, пожалуйста, – сказал он, – и теплый сливовый пирог с мороженым.

– Тыквенный латте? – поморщился Джонни, заказав свой черный кофе без молока. – А дальше что? Витаминный смузи? Детокс-чай с фенхелем? Флэт-уайт с яблочной цедрой?

– Я люблю пробовать *nouveautés*⁹, Джонни, – невозмутимо

⁹ Новшества (фр.)

ответил Ноа, – не все такие консерваторы, как ты.

Использование французских слов к месту, а чаще всего не к месту, было еще одной особенностью Ноа, к которой Джонни с его ирландской простодушностью и нелюбовью к словесным финтифлюшкам, привыкал долго и мучительно. Он предпочитал говорить без экивоков: на родном английском языке с теми, кто его понимает. Французский вообще давался ему тяжело, за что его часто подкалывали местные знакомые. Они могли смеяться до слез над его произношением: над недостаточно остро заточенными пиками «р» и слишком протяжным гулом гласных. Можно подумать, их английский с французским акцентом был хоть на йоту лучше.

– Ладно, выкладывай, что там опять стряслось?

Ноа торжественно отставил в сторону чашку и сложил ладони домиком, как готовящийся к важному выступлению политик.

– Мне кажется, за мной следят.

– Опять ты за свое!

– Нет, в этот раз точно, мне не до шуток – он нахмурился, доказывая серьезность своих слов.

В мире нашлось бы не так много людей, столь одержимых теориями заговора. Ноа измучил ими Джонни еще в первый месяц их знакомства. Список теорий, в которые он верил, был длиннее оглавления ботанической энциклопедии: иллюминаты и масоны, исподволь правящие миром; подстроен-

ные авиакатастрофы, тайные бункеры, рептилоиды, сатанинская паника¹⁰, сфабрикованные в лабораториях смертельные вирусы, известные только избранным тайны убийства Линкольна, Кеннеди и Мартина Лютера Кинга. Он даже создал собственный сайт на эту тему, пользующийся неожиданной популярностью у таких же сумасшедших из разных уголков земли. Джонни как-то зашел на главную страницу и удивился тому, как много у Ноа последователей. Ядовито-зеленый дизайн с апокалиптическим красным шрифтом резал глаза, темы на форуме ежедневно обновлялись, и ирландец поскорее закрыл вкладку, в очередной раз пораженный тем, какие нелепые демоны таятся внутри у толстого, добродушного с виду человека.

Гаваец безуспешно пытался приобщить Джонни к своей страсти: однажды заставил его слушать пластинки The Beatles задом наперед, потому что фанаты на его сайте утверждали, что там зашифровано послание о том, что Пол Маккартни на самом деле давно умер. Мол, бас-гитарист ливерпульской четверки погиб еще в 1966 году в автокатастрофе и был заменен двойником, а в песнях и на обложках альбомов группы содержатся многочисленные скрытые намеки на это происшествие.

– Слышишь? Там еле прослушивается тонкий голосок,

¹⁰ Социальный феномен 1980-х, состоявший в распространении в США, Великобритании и ЮАР моральной паники относительно существования масштабного сатанинского заговора с совершением ритуальных убийств людей и десятками тысяч жертв (прим. ред)

поющий «Paul is dead»! На обложке Abbey Road они на самом деле изображают похоронную процессию, а в номере машины зашифровано послание «Linda McCartney weeps¹¹», ну типа она его оплакивает, tu vois¹²?

Но Джонни не понимал. Поначалу его забавляло необычное увлечение гавайца, но потом его рациональный разум восстал против такого извращенного искажения действительности.

– Все проще, чем ты думаешь, Ноа. В жизни вообще нет никаких тайн, мы все это придумываем, чтобы не было так скучно жить.

И Айрис как назло интересовалась эзотерикой. Она старалась прятать от Джонни свои коллекции карт (чего там только не было: классическое Таро, Таро драконов, Таро фей, даже колода Алистера Кроули), воровато раскладывая их на кофейном столике перед уходом на работу, будто боялась его презрения. Конечно, он все замечал и спрашивал у несуществующего бога: за что ему все эти мистификаторы? Он хотел простой и понятной жизни, не отягощенной никакими посторонними и потусторонними смыслами.

А один раз после секса, пребывая в особенно душевном настроении, она сделала попытку рассказать ему о своей прошлой жизни, которую видела во время какого-то специального занятия. Вроде это называлось регрессией (как иро-

¹¹ Линда Маккартни плачет (англ.)

¹² Понимаешь? (фр.)

нично, сплошной регресс!). Якобы под влиянием мягкого гипноза, она видела, что жила в Италии конца девятнадцатого века, причем была мальчиком-инвалидом в кресле – чистым, непорочным – и единственной ее отрадой было общение с дедушкой, их прогулки в кукурузных полях и вылазки к морю. Джонни тогда находился в посткоитальной истоме и потому не стал говорить ей, что ни за что не поверит в то, чего не существует.

А эти ежемесячные жалобы на полную луну, которая плохо влияет на ее эмоциональный фон... Чертова дочь Венеры.

Он вынырнул из густого, пропахшего пачули, тумана эзотерических кошмаров, с трудом сфокусировав внимание на пухлом лице друга. Итак, за Ноа, оказывается, следили.

– Да кому ты нужен? – сказал наконец Джонни после неприлично затянувшейся паузы.

– Просто послушай. Вчера я ехал в автобусе до Женевы, и на остановке L'Avenir¹³ зашел старик в болотно-зеленом плаще, похожий на Кустурицу, у него были такие сальные седые волосы, будто...

– Как у тебя? – пошутил Джонни, но тут же замолчал, поймав укоризненный, по-детски обиженный взгляд друга.

– Я мою голову каждый день! Так вот, он вышел там же, где я, а потом вечером снова зашел в автобус прямо за мной и сидел на том же месте у окна. Ты бы видел его глаза, как будто он маг-убийца какой-то, ей-богу...

¹³ Будущее (фр.)

– Может, это значит, что он заканчивает и начинает работу в то же время, что и ты? – заметил Джонни, – как сотни других людей в этом городе, например.

– Ты не понимаешь, – покачал головой Ноа, – это был другой автобус. С утра я ехал на тридцать третьем, а после работы мне надо было в одно место и я делал пересадку. Так вот, он был во всех трех автобусах, а потом просто вышел на остановке с говорящим названием *Cimetière de Saint-Georges*¹⁴.

– И о чем оно говорит? Это все улики? – против своей воли, Джонни все же заинтересовался очередным проектом друга, прельстившись фееричным уровнем абсурда предположений Ноа.

– *Juste un moment*¹⁵. Мы складываем числа всех автобусов: 33, 9 и 19 и получается 61, то есть 6+1, то есть 7. Это число, согласно нумерологии, означает опасность. Подожди, – взмахнул рукой в порыве чувств Ноа, предвидя возражения Джонни, – это еще не все. Ночью по моим занавескам скользит луч фонаря. Он прерывается в ритме азбуки Морзе, там явно зашифровано какое-то послание. А эти загадочные послания в моем почтовом ящике?...

– Может, это твоя тайная поклонница? Хотя вряд ли... – выразительно окинув его взглядом, сказал ирландец.

– Ты меня достал, Джонни Белл, – насупился Ноа, давая понять, что лимит двусмысленных шуток на сегодня исчер-

¹⁴ Кладбище Сен-Жорж (фр.)

¹⁵ Минуточку (фр.)

пан, и вторжение на территорию его самолюбия уже произошло. – Кстати, с Айрис все в порядке? Что-то я ее вчера не видел, она всегда уходит в восемь утра, и мы едем вместе на автобусе...

– Мне стоит ревновать?

– А вчера она не пришла, – продолжил гаваец, почесывая родинку на щеке, – я просто хотел спросить, вдруг она заболела или что-то вроде того...

– Она ушла от меня, – сказал Джонни, всем видом показывая, как мало его это задело.

– И ты так спокоен? Ты что, совсем ее не любишь? – в голосе Ноа зазвенела такая обида, будто бросили его самого.

– Причем здесь вообще любовь, – отмахнулся Джонни. – Она так захотела, значит, это ее право. Я никого держать не собираюсь.

– Почему у тебя такое холодное сердце, mon ami? – скорбно покачал головой Ноа. – Я думал, ирландцы горячие люди, но твое равнодушие переходит все границы. Ты как какой-нибудь чертов финн! Сидишь себе около Балтийского моря и разговариваешь сам с собой и с чайками, будто тебе никто больше не нужен.

– Извини, – обвинения в бездушности всегда уязвляли Джонни больше всего, поднимая волны желчи. – Меня же не растили на мультяшном острове, где поют тропические птички, а полуголые женщины танцуют танцы, посвященные радости любви. Я не катался на серфе, как белозубый австра-

лийский мачо и не пил сладкую водичку из кокоса. Наверное поэтому, я такой же черствый, как этот чертов сливовый пирог, который ты запихнул в себя с такой скоростью, что я искренне поражен тем, как он не застрял в твоём нежном горле.

– Довольно, – сказал Ноа, вставая с обитой мягкой тканью скамейки. – Мне надоел твой сарказм. Такое ощущение, что это просто броня, а на самом деле ты боишься сильных чувств.

– Говоришь, как баба или психолог из какой-нибудь дрянной телепрограммы, – парировал Джонни. – Я способен на чувства, но не придаю им такого же значения, как вы с Айрис. Не надо усложнять, будьте проще, расслабьтесь уже наконец.

– Я понял, – кивнул Ноа со смирением монахини. Пятна пота на его салатовой рубашке расплзлись ещё шире, напоминая контуры Мадагаскара, – просто... Вдруг это как-то связано с преследованием? Ты не думаешь, что её могли похитить?

– А ты упорный малый, – вздохнул Джонни, допивая остывший эспрессо, – так и стоишь на своей версии. Однако тебе придется смириться с тем, что она просто взяла и ушла. Я знаю, ты будешь скучать, ведь вы были подружками, обсуждающими чувства, сериалы и инопланетян, но теперь у тебя остался только я. Не лучший выбор, наверное,

но как ты любишь говорить: *c'est la vie*¹⁶.

Они вышли из кафе в гробовой тишине и разошлись в разные стороны, как поссорившиеся любовники. Джонни все же ощутил укол сожаления. В этот раз он все же перегнул палку, словно обидел пятилетнего ребенка. Не зря он с двадцати лет называл себя стариком в молодом теле. Наверное, он и правда слишком много брюзжит.

Следующие две недели Джонни провел в раю. За год отношений с Айрис он успел забыть, как здорово иногда оставаться одному. За исключением коротких вылазок в Эдинбург, она не отходила от него ни на шаг, словно боялась, что он убежит.

Отныне расстеленная кровать стала его храмом. Так сладко было валяться на ней с утра до вечера, сознательно игнорируя мир снаружи. Медитация без конца и начала, сошедшее с небес просветление. Он вставал и ложился, когда ему заблагорассудится. Лечь в девять часов утра? Пожалуйста! Встать в пять вечера? Да кто ему запретит! Линии дня сливались в одно прекрасное радужно-бензиновое пятно, он запутался в числах и днях недели, и только сухие звонки хозяйина бара напоминали ему о том, что в пятницу надо отыграть пару десятков никому не нужных песен.

Джонни не смог бы толком объяснить, чем ему так нравилось бездействие: оно пленяло его, как млечный сок опиума.

¹⁶ Такова жизнь (фр.)

Айрис сошла бы с ума, узнав расписание его досуга. Видеоигры, просмотр глупых, но таких смешных видео в интернете, перекуры каждые пятнадцать минут (варево окурков уже вылезало из пепельницы, как магма из кратера вулкана), пиво, музыка на всю мощь, сон, а потом снова игры, видео, сигареты, пиво, музыка, сон, и так в разной последовательности с разными временными интервалами... Бессмысленные занятия укутывали его в кокон убаюкивающего равнодушия ко всему, включая себя самого. Он даже подумывал попробовать травку, чтобы усилить эффект расслабленности, но для этого надо было ехать в Женеву и искать киоск, где ее не разбавляют какой-нибудь дрянью, а это требовало слишком много сил.

Джонни перестал бриться и остался доволен полученным результатом: оказывается, ему шла борода – она скрывала небольшую ямочку на подбородке и отвлекала внимание от тонкости плотно сжатых губ.

Ему не хотелось тратить энергию даже на переваривание еды: он ел от силы полтора раза в день. На полу валялись полупустые коробки от пиццы, а микроволновка пропиталась запахом расплавленного сыра, в который он макал зачерствевший хлеб.

Он не брал в руки гитару, потому что музыка очищала, а он не хотел очищения. Когда ничто вокруг не мотивирует тебя встать, еще проще не вставать. Падать – так на самое дно колодца, недоступное солнечному свету.

В один из дней Джонни обнаружил, что рыжий кот сбежал. Ну и ладно, он все равно то и дело забывал покорить его...

Нет, он не пребывал в депрессии, как однажды сказал ему Ноа, когда они столкнулись на закате около мусорных баков, и на Джонни были лишь темно-синие боксеры и стоптанные тапки. Он не страдал по Айрис, не скучал по тактильности, ему правда было хорошо вот так никуда не идти и ни к чему не стремиться. Он знал, что это как раз, в отличие от симуляций и имитаций многих других эмоций, его органическое состояние, его личное кротовое углубление в теплой сырой земле, откуда не хочется вылезать.

Покой затворника нарушали только неожиданно участвовавшие звонки матери. Первый раз она позвонила, когда он лежал на правом боку и с интересом ученого разглядывал хитросплетения паутины в углу.

– Джон? Ты меня слышишь?

Только мать называла его полным именем, подчеркивая тот факт, что он давно уже не ребенок и не должен ждать поблажек от судьбы. Она слегка задыхалась, как тучные люди после подъема на крыльцо. Наверное, как всегда, пыталась показаться больнее и несчастнее, чем на самом деле.

– Ну?

– Джон, мне нужна твоя помощь. Майклу плохо, – в ее голосе проскальзывали знакомые визгливые нотки, так раздражавшие отца.

– А что с ним? Что-то не припомню, чтобы кто-то из вас интересовался моими проблемами, – Джонни встал и подошел к окну, чтобы закурить. Без сигарет этот разговор дался бы ему совсем тяжело.

– Он... У него проблемы с лекарствами. Дело в том, что...

– Ну короче он наркоман, да? Будь добра, называй вещи своими именами.

– Почему ты так груб? Ты не имеешь права судить собственного брата: ты ведь не остался здесь, а уехал в свою Швейцарию, на поиски шикарной жизни, и с тех пор мы для тебя никто, – миссис Белл начала тихонько всхлипывать для достижения пущего эффекта.

Ее хныканье напоминало Джонни скулеж бездомной собаки у церкви. Что за дешевые приемы для столь почтенного возраста!

– Килларни отличное место, мама. Я бы с радостью жил там, если бы вас там не было.

Неплохо, в этот раз его терпения хватило на целых три минуты: идет на рекорд. Трясущимися руками он зажег вторую сигарету, едва только дотлел огонек первой.

– Тебе легко говорить, ты так зазнался... Что бы сказал твой отец...

– Не смей упоминать его все, мы оба знаем, кого из нас он лучше понимал.

Молчание по ту сторону провода. «Подбирает слова, чтобы ужалить побольнее» – решил Джонни.

– Так ты сможешь? Ему требуется лечение, а я просто не могу позволить себе такие суммы, – поняв, что жалостью его не взять, миссис Белл прибегла к помощи классических металлических нот в голосе.

– Нет. Денег у меня нет, а если бы были, я бы еще сто раз подумал.

Ему и правда едва хватало на жизнь. Вот уже несколько лет над ним дамокловым мечом висел один долг. Он должен был вернуть около пятнадцати тысяч ирландскому государству, которое выдавало ему пособие во время учебы в Дублине. Каждый месяц он клялся себе, что отложит часть суммы, но все время находились более важные опции для трат. Сигареты, новые видеоигры, а еще он всегда хотел накопить на подержанный мотоцикл...

– Тебе плевать на семью? – мать вынула из ножен последнее заржавевшее оружие.

– Не знаю, мама, наверное. А тебе?

Он повесил трубку, успев услышать ее изумленный вздох, как ржание упавшей в финальном этапе скачек лошади. А потом надел выхваченную из кучи не самого чистого белья футболку и вышел на улицу. Ему срочно требовалась бутылка виски. Только бы частный магазин, которым управляет этот жирный индус, был открыт.

Женщины умудряются испортить домашний климат даже на расстоянии. Ядовитые, как волчьи ягоды. Если бы только отец был жив...

А в остальном все было хорошо.

В пятницу после того, как Джонни отыграл Lake of fire и уже относил гитару в подсобку, к нему подошла светловолосая англичанка. Васильковые глаза, крепкая грудь, короткое черное платье. Она пыталась познакомиться, ведомая каким-то ушедшим в прошлое инстинктом благоговения перед бедными музыкантами. Говорила, что больше всего на свете обожает именно этот альбом Nirvana.

– Господи, там, на MTV, он играл, как бог, да? Наверное, предчувствовал скорую смерть...

Оценив ее активное стремление понравиться ему, Джонни хотел было предложить поехать к нему, но потом вспомнил, в какой хаос превратил квартиру и стремительно перевел тему. А еще болело колено – может быть, отлежал. К тому же, в смысле секса он оставался традиционалистом: для вдохновения ему требовались хотя бы минимальные чувства к девушке. А то потом проблем не оберешься.

В средней школе они с друзьями считали, что музыканты меняют девушек каждую неделю, а потом даже не помнят их имен. Никто не предупреждал их, что в повышенном женском внимании нет ничего привлекательного. За приятными минутами и взрывающими кровь поцелуями следуют недели, месяцы, а то и десятилетия расплаты.

Он бы уже никогда не пошел на те безрассудные романтические поступки, которые по глупости совершал в пятна-

дцать лет. Он тогда влюбился в свою лучшую подругу и каждый вечер лазил к ее окну по пожарной лестнице, рискуя огрести от ее отца. А она, глупая, не ценила его самоотверженности. Равнодушно хлопала покрашенными в три слоя ресницами и утыкалась в учебники. Какой тогда толк во всех этих благородных поступках во имя любви?

Черным котом в застенках памяти свернулось еще одно болезненное воспоминание: они с его первой девушкой смотрят «Титаник», у него в носу пощипывает, он уже чувствует обжигающее тепло слез на щеках, а она бесстрашна, как капитан дальнего плавания. Джонни тогда ушел на кухню якобы попить воды, но успел увидеть легкую снисходительную улыбку на ее губах. Сначала они ждут от тебя чувствительности, а потом безмолвно порицают за нее. Чем не дьявольская логика?

Нет, он не сдастся в очередной женский плен. Пусть эта англичанка утопит горечь отказа в трех порциях маргариты.

Вернувшись домой этим вечером, Джонни решил, что пришло время убраться. Не то чтобы его напрягал беспорядок, но дважды споткнувшись об обувные коробки, в которых хранились музыкальные диски, парень решил, что с него хватит.

Он уже вооружился шваброй и пылесосом, чувствуя себя маленькой прилежной хозяйшкой и приготовился к подвигу, сравнимому с походом Фродо в Мордор, когда в дверь позвонили.

Джонни, уверенный что звонит Ноа, решил затаиться, но потом понял, что снаружи все равно видно, что у него горит свет.

– Иду я, иду, – проворчал он, надевая штаны, заляпанные кетчупом.

Открыл замок и остолбенел. На пороге стояла она, только в два раза шикарнее. Может быть, воспоминания о ней обесцветила разлука? Или она так серьезно взялась за себя? Последний ее образ, отпечатавшийся в памяти, орутинился домашней одеждой, волосами, вяло стянутыми резинкой в небрежный пучок и усталостью, темными кругами залегшей под глазами.

А теперь...

Длинные волосы узнаваемого оттенка кармина стали ярче, насыщеннее: вместо штопорных завитушек кудрей – блестящая гладкая волна, ровно покрашенные винной помадой губы, узкое изумрудное платье, выгодно подчеркивающее постройневшие бедра, черные босоножки. Уверенный, даже немного насмешливый взгляд.

А еще ему передалось какое-то внутреннее ощущение покоя, исходящее от нее. словно раньше она сеяла вокруг себя шторм сомнений и эмоциональных колебаний, а сейчас доверилась золотому свету маяка, указывающего путь.

Джонни даже не мог придумать какую-нибудь язвительную шутку, чтобы наказать ее за то, что она задела его. Тогда он выпалил единственную саркастическую реплику, которая

пришла ему в голову:

– Наконец нагулялась, Айрис?

Она посмотрела на него с недоумением, словно не поняла сути претензии. Поправила тонкий серебряный браслет на руке, привлекая внимание к аристократической узости запястья.

– Прости, как ты меня назвал?

И властно переступила порог маленькой квартиры, как заперщенную границу прячущегося ото всех государства.

– Черт, она не преувеличивала, что у тебя тут авгиевы конюшни, – сказала девушка, брезгливо поморщившись. А потом с явным наслаждением воззрилась на Джонни, потерявшего дар речи.

– Покажешь мне квартиру?

ЭКСПОЗИЦИЯ №3

...Толстый седой недовольный мужчина весь в поту. Только что он спустился с седьмого этажа и очень устал. Теперь он сидит в машине, ожидая, пока сердечный ритм придет в норму. Болит поясница, будто кто-то просверлил там отверстие, давление зашкаливает, как температура на Марсе. Он достает из кармана блистер с валидолом и судорожно кладет на толстый розовый язык сразу две белые, пахнущие ментолом таблетки.

Когда он сидит на переднем сидении, его огромный живот, набитый опилками еды и уставших от тесноты внутренностей, достаёт до самого руля, мешая некоторым маневрам. Но дела толстого седого недовольного мужчины не терпят отлагательств, поэтому он с кряхтеньем заводит мотор и едет в продуктовый магазин.

После медленной поездки с тележкой между рядами замороженных полуфабрикатов и стеклянными прилавками с толстыми змеями лоснящихся колбас и подмигивающих желтыми дырками глаз сыров, мужчина останавливается, чтобы перевести дыхание – пот градом стекает со лба, и он промокает его тряпочкой для чистки машинных стекол. Который день он забывает забросить его в стирку!

Толстый седой недовольный мужчина несколько оживляется, попадая в алкогольный отдел: батарея зеленых, бе-

лых и красных бутылок с разноцветными этикетками пробуждает радостный хриплый клетот в его груди, нёбо щекочет перышко предвкушения. Нагруженный пакетами, он выходит на улицу, костеря про себя шумные счастливые семьи, наглых подростков, глупых неповоротливых стариков, то и дело преграждающих путь. Куда все они несутся, почему не могут сидеть дома? «Ты вообще смотришь, куда идешь?» – шипит он немолодой женицине с собачкой.

Толстый седой недовольный мужчина с трудом залезает обратно в машину, давая себе двадцать минут на восстановление после этой энергозатратной вылазки. Видит бог, походы по магазинам отнимают слишком много сил. Нет конца этой одиссее: ему предстоит еще долгая дорога домой, а потом путь из машины до подъезда, от двери до лифта, от лифта до квартиры, и, наконец, из прихожей до продавленного дивана...

Третья глава

– У вас тут жара, как в Сайгоне, – сказала девушка, хватая просроченные счета со стола Джонни и картинно обмахиваясь ими, как венецианским веером. – Я-то думала в Швейцарии холодно. Альпы, лыжи, все такое...

– Может, прекратишь этот цирк, Айрис? – закатил глаза Джонни. Лучше бы она не возвращалась.

– У тебя проблемы со слухом? Я не Айрис, я же сказала.

Она прошла по засаленному ворсу ковра и села на самый краешек кресла, боясь испачкать свое элегантное платье.

– И кто же ты? Актриса с конкурса двойников? Проекция Айрис из прошлого, когда мы еще не были знакомы? Галлюцинация? – издевался Джонни, стараясь придумать самые нелепые варианты.

– Ты забыл еще пару версий, – улынулась то ли Айрис, то ли не Айрис, – например, что я подменщи, а ее похитили феири, или что ее клонировали в секретной лаборатории, или, наконец, что я самый настоящий доппельгангер¹⁷...

– Можно не употреблять таких сложных слов? – поморщился ирландец. – Я человек простой, меня эти интеллектуальные изыски только раздражают.

Незнакомка проигнорировала его комментарий и достала

¹⁷ Двойник (прим. ред)

из маленькой серебряной сумочки пачку тонких ментоловых сигарет.

– Хочешь убедить меня, что это не ты, потому что начала курить? – он поднес ей зажигалку.

– Если бы ты не был таким ограниченным, мог бы догадаться, что у людей бывают братья и сестры, – нарушила наконец молчание девушка. – Иногда даже близнецы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.